

· · · · · Ä

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

М. М. Позднев

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ

Москва — Санкт-Петербург
Русский фонд содействия науке и образованию
2010

· · · · · Ä

Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный редактор:
к. иск. Н. А. Алмазова

Редактор
к. филол. н. Д. В. Кейер

Рецензенты:
д. и. н. А. К. Гаврилов, д. филос. н. А. Г. Погоняйло

Подготовлено к печати и выпущено в свет
Русским фондом содействия образованию и науке
по решению Учёного совета Университета Дмитрия Пожарского

Рецензенты:
д. филол. н. А. Л. Верлинский, д. филос. н. Ю. А. Шичалин

М. М. Позднев. Психология искусства. Учение Аристотеля —
М. — СПб.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — с.;
4 ил.

ISBN 978-5-91244-027-4

Предназначение искусства — предмет нескончаемых споров, начавшихся уже в античности. В первой части книги обзревается мнения древнегреческих писателей о психологическом воздействии литературы, дан подробный разбор «Поэтики» Аристотеля; во второй части детально рассмотрена рецепция знаменитой формулы «очищения страстей» от Средневековья до новейшего времени. Обсуждая проблему катарсиса, автор основывается на тщательном изучении античной культуры, а также новоевропейской традиции антиковедения. Книга адресована учёному сообществу, всем тем, кто глубоко интересуется античным миром и вопросами поэтики.

ISBN 978-5-91244-027-4

© М. М. Позднев
© Русский фонд содействия
образованию и науке

monumento patris

Содержание

<i>От автора</i>	7
<i>Введение</i>	
Аристотель и философия искусства	
§ 1. Теория литературы	10
§ 2. Эстетика «отображения»	26
§ 3. Философия творчества	45
<i>Часть первая</i>	
Античная психология искусства: VIII – IV века до н. э.	64
Глава 1. Гомер и Гесиод	74
Глава 2. Ранняя лирика и гимнография	85
Глава 3. Дидактическая элегия. Феогнид	96
Глава 4. Пиндар и Вакхилид	108
Глава 5. Трагедия. Эсхил	123
Глава 6. Софокл	140
Глава 7. Еврипид	157
Глава 8. Комедия. Аристофан	178
Глава 9. Ранняя философия	194
Глава 10. Горгий	209
Глава 11. Платон	226
Глава 12. Аристотель: обзор источников	265

Часть вторая

Рецепция формулы очищения: δι' ἐλέου καὶ φόβου περαίνουσα τὴν τῶν τοιούτων παθημάτων κάθαρσιν 341

Глава 1. Катарсис в сиро-арабском мире 344

Глава 2. Гуманисты 360

Глава 3. Парадигмы Нового Времени 398

Глава 4. Деятнадцатый век 456

Глава 5. Новейшая критика 527

Заключение

Чистые эмоции в театре древних Афин 640

Приложение

Субстанции очищения: κάθαρσις в близком контексте

1. Медицина и физиология 670

2. Быт, техника, естествознание 688

3. Религия 692

4. Философия 696

Библиография

1. Аристотель и античная психология искусства (Введение. Часть первая) 703

2. Катарсис и рецепция «Поэтики» (Часть вторая., Заключение) 734

Указатели

1. Antiqui 776

2. Recentiores 792

3. Теории катарсиса 814

независимых автора предложили моральные толкования. Трагедия и комедия сообщают полезную информацию о правильном, безопасном для себя и других, общественном поведении; зрители становятся действующими лицами драмы и впитывают их опыт; вихрь страданий и фантазмагория смеха равно учат не давать волю буйному «counter-ego» — реставрирует теорию Корнеля и Сэмюэля Джонсона (с глухими ссылками) профессор философии в Saint Mary's College of Meryland Алан Пасков.¹¹⁸¹ «Bei Aristoteles ist die Katharsis ein Indiz für die erzieherische Tendenz der tragischen Dichtung»; греческая трагедия, как и Consolationes римских стоиков, освобождает эмоции «от всего потенциально чрезмерного», возвращает их к умеренности, под власть рассудка — объясняет И. М. Нахов.¹¹⁸² Родительный τῶν τοιοῦτων παθημάτων воспринят как obiectivus: нормальные παθήματα очищаются от ненормальных πάθη. Бернайс и психопатологи понимали ровно наоборот,¹¹⁸³ но «галиматья» осталась и в новой трактовке: ведь чистящие средства — тоже πάθη. Да и кого утешает «Антигона»? Ощутима ли «атмосфера тихой радости» в финале «Трахинянок», «Троянок», «Геракла»? Тёзка русского учёного Исайя Смитсон пытается вместо стоического обосновать сентименталистский взгляд, тоже — tritum pertritum: жалея героев, зритель научается сострадать ближнему.¹¹⁸⁴ «Catharsis undergone by an audience has moral implications»; ценность трагедийных эмоций для Аристотеля «is grounded on their moral nature».¹¹⁸⁵

Остроумнее других (и большинства ультрановых теорий) статья Фрэнсиса Спаршотта в сборнике, подаренном канадскими литературоведами семидесятилетнему Нортропу Фрею. В интерпретации Фрея литература

¹¹⁸¹ A. Paskow. What is Aesthetic Catharsis? // Journal of Aesthetics and Art Criticism 42 (1983) 63–4: «If pity and fear are poerfully experienced, then in some sense the spectator feels his life to be at stake. He may then have (under ideal conditions) a more vivid and clarified understanding of what a certain orientation means for his own life. ...The spectator has new, important, and more correct cognitive informings of certain orientating feelings». О комедии на стр. 67: «The appreciation of classical comedy involves a catharsis, an experience made possible by a prior (and complex) identification between spectator and a protagonist whose exaggerated (but not revoltingly destructive) foibles invite the viewers assent and thus lure him into counter-ego — e. g. Oedipal, obsessional, compulsive realms».

¹¹⁸² I. Nakhov. Katharsis und Consolatio / Die griechische Tragödie in ihrer gesellschaftlicher Funktion. Hrsg. von H. Kuch (Berlin 1983) 196.

¹¹⁸³ Ibid. 197–8: «πάθος ist das Übermaß, das Konzentrat dessen, was mit παθήματα gemeint ist ...πάθημα bezeichnet wesentlich die Norm, πάθος das Abnorme. ...Das Aristotelische τὴν τῶν τοιοῦτων παθημάτων κάθαρσιν ist also zu verstehen als Reinigung der genannten und ähnlicher, normaler, natürlicher Gefühle von allem potentiell Übermäßigen, Abnormen, d. h. von Leidenschaften (πάθη) die sich der Kontrolle durch den Verstand entziehen». Мало того: «Ziel der Katharsis ist nicht nur die “Reinigung” im oben beschriebenen Sinne, sondern auch die Schaffung einer Atmosphäre der Ruhe und Versöhnung, der stillen Freude»: ibid. 200.

¹¹⁸⁴ «Experiencing the plot transforms the spectators into people confronted with a moral action with wich they are now morally involved, because this action comes to represent a possibility for their own lifes»: I. Smithson. The Moral View of Aristotle's Poetics... 16.

¹¹⁸⁵ Ibid. 17. Смитсон использует выводы когнитивистов: эмоция есть мысль, сострадание — оценка ситуации, и, покинув театр, мы будем всегда испытывать жалость περὶ τὸν ἀνάξιον.

обнимает глубинные представления создающего её народа;¹¹⁸⁶ трагедия, по Аристотелю, достигает очищения страстей. Обе идеи возводимы и обычно возводятся гермневтами к шаткой базе спорных психиатрических теорий: катарсис античного поэтолога — к гуморам гиппократовского корпуса; историко-культурный детерминизм новейшего теоретика — к архетипам и коллективному бессознательному. Такая интерпретация обесценивает мысль: Фрей отошёл от учения Юнга, и катарсис далеко не исчерпывается медициной. Сила сравниваемых концепций и *tertium comparationis* есть их слабость; «incurable vagueness» (по Элсу) не нуждается в лечении: «The text Aristotle wrote is inherently vague». Но почему? — интересуется Спаршотт. А потому, что конечный эффект может быть любым. Универсально лишь само возбуждение. Снова прорывается указанная выше тенденция. Цитируем вольтерьянскую мысль эстетика из Торонто: «Why, if not to move the reader, did the author write movingly of moving incidents? The audience of tragedy, we recall, are “to shudder and be sorry”, and Euripides is the “most tragic” not because his plots are the most lucid or clarifying, but because his incidents are the most affecting».¹¹⁸⁷

Это — вторая часть «Загадки катарсиса». Первую Спаршотт посвятил критическому обзору. Трудно вместе с формалистами отрицать, что в определении трагедии Аристотель учёл психологию восприятия. Равно сомнительно, что он наделил драму целебной или просветительской силой. Где же искать? Аристотель возражал Платону, значит — у Платона. В «Федоне» Спаршотт находит совпадение: *κάθαρσις τις τῶν τοιοῦτων πάντων* (69c1). Итак, *Poet.* 49b27–8 есть реминисценция или «эхо» философского катарсиса — освобождение нашего убогого земного бытия от диктата удовольствий, страхов «и всего такого прочего» (*προσγίγνομένων καὶ ἀπογίγνομένων καὶ ἡδονῶν καὶ φόβων καὶ τῶν ἄλλων πάντων τῶν τοιοῦτων*: *Phdo.* 69b4–5). «И благо-разумие, и справедливость, и доблесть, и самое разум также будут неким очищением» (*καὶ ἡ σωφροσύνη καὶ ἡ δικαιοσύνη καὶ ἀνδρεία, καὶ αὐτὴ ἡ φρόνησις μὴ καθαρμός τις ἦ*: c1–3). Жизнь разума чиста от порока, «and it is tragedy that does it» (*философская* или *платоническая* теория).¹¹⁸⁸ Получается, у термина всё-таки есть конкретный смысл — очищение ума, способность к которому Аристотель приписал драме только из азарта, не думая и объяснять, как она могла бы достичь такого катарсиса, но по-детски довольный тем, что оспорил учителя его же словами. Если бы не желание поставить запятую

¹¹⁸⁶ «According to Frye’s general theory of literature, *it seems*, the literature of a civilization enshrines the most important of its fables, articulating the most pervasive of its structures and the deepest of its concerns»: F. Sparshott. *The Riddle of Katharsis*... 26; курсивом отмечаем разумный скептицизм критика, долженствующий извинить в глазах коллег-антиковедов его смелую аналогию.

¹¹⁸⁷ Ibid. 27.

¹¹⁸⁸ Ibid. 23: «It is, as if Aristotle were saying in his *katharsis* clause, “So far from tragedy being baneful because of its emotional effects, as Plato urged, those effects bring about the very *katharsis* that Plato himself called for”».

Платону,¹¹⁸⁹ Стагирит ограничился бы солиситацией. Вышло, однако, неплохо, потому что «понимай, как знаешь»: лучшие определения расплывчаты и легко «трансформируются».¹¹⁹⁰

После такой резолюции, равноценной признанию бессилия, после отвлечённых схем философов и моралистов¹¹⁹¹ ободряет ультимативное остроумие медиков, тем более, когда верно избрана мишень — социальный катарсис «Политики», или, в точной метафоре Энрико Флореса, «оздоровление общественного тела».¹¹⁹² Толкование Флореса принадлежит традиции, начало которой положил Джованни Пинья: театр помогает здоровому государству оставаться здоровым. Биньями и Дирлмейер объяснили: трагедия «облегчает»; игра страсти — «*tecreazione fisiologica*». Но за полвека вся люстративная психология свелась к гуморам: современный политик от катарсиса видит врагом общественного здоровья не банальное утомление, а скопившиеся со времени прошлых Дионисиев и нуждающиеся в эвакуации вредные *περίττωατα*.¹¹⁹³ Аристотель оценил эффект трагедии даже не с точки зрения психолога, но исключительно как физиолог.¹¹⁹⁴ Трагический катарсис — учит Флорес — служил вентилем, без которого общественную машину взорвали бы пары «непереваренных» страстей, кипящие в душах граждан.¹¹⁹⁵ Пары жалости и страха? Выпущенные жалостью и страхом?

¹¹⁸⁹ Ibid. 21: «Such a rebuttal would be in a line with Aristotle's general policy of subverting Platonism from within. ...In ethics this meant retaining Plato's ideal of good life while denying that morality depends on philosophic insight; in metaphysics, it meant retaining the centrality of substantial forms while denying their separate existence; in epistemology, it meant retaining the deductive structure of sciences while denying their dependence on a single first principle». Аристотель выглядит у Спаршотта каким-то одержимым.

¹¹⁹⁰ Ibid. 28–9.

¹¹⁹¹ Что моральное очищение производится от гносеологического, показал Кристиан Вагнер, чью статью 1984 года Люзерке весьма дальновидно включил в свой сборник последней: Chr. Wagner. «Katharsis» in der aristotelischen Tragödiendefinition / Die aristotelische Katharsis. Dokumente ihrer Deutung... 423–43. Вагнер признаёт толкование Голдена в исходном и главном пункте: катарсис предполагает готовое знание, «ein Vorwissen» — чтобы отождествить. «Прояснение» объединяется с «логотерапией» аффекта по Лайну Энтралго. Итог: «dieses Wissen ist weniger intellektuelles, als vielmehr ein sittliches "Wissen", eine Charakterverfassung. ...«κάθαρσις τῶν παθημάτων» ist die Bedingung der Möglichkeiten von Tugend»: ibid. 430; 440, с не вполне понятным курсивом автора. «Intellectual clarification» надо, по предложению Вагнера, заменить на «ethische Aufklärung».

¹¹⁹² E. Flores. La catarsi aristotelica dalla Politica alla Poetica // Annali dell'Istituto universitario orientale di Napoli. Sezione filologico-letteraria 6 (1984) 49: «Alla κάθαρσις τῶν φαρμάκων per il corpo del singolo individuo corrisponde, per il corpo sociale, la κάθαρσις τῶν τραγωιδιῶν». То же: Maria del Pilar Montero Honorato. Aristoteles y la education musical // Studium Ovetense 11 (1983) 19: катарсис — «una especie de medicina homeopática».

¹¹⁹³ J. M. Walton. The Greek Sense of Theatre: Tragedy Reviewed (London — New York 1984) 26: «As an experience, the watching of tragedy is a kind of spiritual emetic, contributing actively to the sanity and the balance of individual and community».

¹¹⁹⁴ E. Flores. La catarsi aristotelica... 45: «L'analisi aristotelica è in partenza quella di un fisiologo e di un medico, non di un esteta, un letterato, o di uno psicologo».

¹¹⁹⁵ Ibid. 48: «Il corpo sociale della città ha bisogno della catarsi tragica come momento funzionale del sistema che trova le valvole regolatrici, a intervalli determinati, della sua esistenza attraverso

Катарсис комедии не обсуждался с двадцатых годов. Тему обновил Ричард Джанко в капитальном издании *Tractatus Coislinianus* с критикой текста, параллельными местами и экзегетическими этюдами. После восторгов своих первых читателей в XIX веке Коаленов Аноним никогда не имел столь отважного поклонника. Джанко *написал от первого лица* («I wish to discuss comedy» etc.) восемнадцать (!) глав второй книги «Поэтики», распространяя квази-аристотелевскими рассуждениями соответствующие параграфы Трактата.¹¹⁹⁶ В третьем, как помним, стоит: ὁφθαίρει τὰ φοβερὰ παθήματα τῆς ψυχῆς δι' οἰκτοῦ καὶ δέους, и пояснение: συμμετρίαν θέλει ἔχειν τοῦ φόβου. У Джанко (сохраняем его **маркировку, отличающую текст Анонима от реконструкций издателя**) вышло: «If a tragedy is properly constructed, it removes the mind's emotions of fear and pity by means of the representation of pitiful and fearful events. Tragedy aims to achieve a balance or equilibrium in the spectator's feelings of fear and suchlike, by giving these feelings a moderate and controlled expression by means of dramatic representation».¹¹⁹⁷ Бернайсу Трактат оказался бесполезным: значит, его теория, противоречащая κάθαρσις τῶν ἁμαρτιῶν Филодема и ἀφοσίωσις τῶν παθῶν Прокла, и Олимпиодору, и Ямвлиху (все они, якобы, читали вторую книгу), ошибочна; текст Трактата, по Джанко, подтверждает современное интеллектуалистическое толкование 49b27, согласно которому страсти зрителя, стимулируемые верным изображением страстей героя, «are made comprehensible».¹¹⁹⁸ Действуя страхом и жалостью на «латентные» страх и жалость, трагедия их «умеренно и безвредно» упражняет.¹¹⁹⁹ Снова «га-

---

l'istituzione delle feste dionisiache con scadenza periodica annuale». Общей концепции отечает перевод: «per mezzo della pietà e del terrore producendo la eliminazione di tali (di queste e simili) passioni che residuassero in quanto in eccesso, chioè l'espurgazione periodica delle passioni residue»: ibid. 43–4. Общий объект очищений — несваримый осадок; даже безумие Ореста — περίττωμα.

¹¹⁹⁶ R. Janko. *Aristotle on Comedy...* 92–9. Текст переиздан в составе книги: *Aristotle's Poetics I, with the Tractatus Coislinianus, a Hypothetical Reconstruction of Poetics II, the Fragments of the On Poets*. Transl. with Notes by R. Janko (Indianapolis — Cambridge, Mass. 1987). Книгоиздатели «помогли» автору, живо использовав популярность Умберто Эко, чей бестселлер «Имя розы» вышел накануне: «The text described in the novel is the one whose authenticity Dr. Janko here defends». И в рассказанной Эко истории, и в том, что учёные монахи XIII века, такие как Вильгельм Мёрбеке, могли принять Трактат за продолжение «Поэтики» Аристотеля, нет ничего невероятного. Беллетристике приятно возвращаться в XIII век. Стоит ли науке?

¹¹⁹⁷ R. Janko. *Aristotle on Comedy: Towards a Reconstruction of Poetics II...* 93.

¹¹⁹⁸ Ibid. 142; комментатор не лукавит: «In reaching this conclusion I am persuaded by a growing body of criticism, led by L. Golden». На предыдущей странице Джанко соглашается с Хэмфри Хаусом и Лессингом, который «has argued along House's lines». Спорные тезисы автор защищает с большим энтузиазмом: «Smith is surely correct», «indeed, Cooper must be wrong» etc. Между тем незадолго до опубликования «Poetics II» Кристофер Гилл справедливо заметил: трагедии страстей разнятся с трагедиями характеров тем, что πάθος исключает «critical or ethical detachment»: C. Gill. *The Ethos / Pathos Distinction...* 166.

¹¹⁹⁹ R. Janko. *Aristotle on Comedy...* 142.